



ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА.

Год издания 48-й | Вторник, 9 мая 1972 г. | Цена 1 коп.

ПИОНЕР ДЕРЖИТ РАВНЕНИЕ НА ГЕРОЕВ БОРЬБЫ И ТРУДА!

Учит мужеству «Зарница» всех ребят уже сейчас — значит, может положиться на папа Родина на нас!.. Семью маршрутами шли юные ленинцы в юбилейном марше «Всегда готовы!».

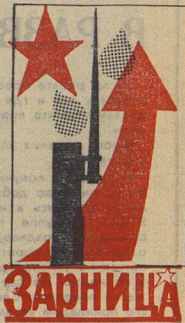
Сегодня, в день великого праздника Победы 9 мая, рапортуют юнармейцы страны:

«МАРШРУТ «ЗАРНИЦА» ПРОЙДЕН! ИГРА «ЗАРНИЦА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ!»

На второй и третьей страницах газеты вы прочтаете рассказы тех, кто водил вас в «зарничные» сражения.

ТЕЛЕГРАММА

ЮНАРМЕЙЦЕВ НАШЕЙ СТРАНЫ, РЕБЯТ СМЕЛЫХ И ЗАКАЛЕННЫХ, НАХОДИВЫХ И ТРУДОЛЮБИВЫХ, ПОЗДРАВЛЯЮ С ОТЛИЧНЫМ ЗАВЕРШЕНИЕМ МАРШРУТА «ЗАРНИЦА». БУДЬТЕ И ВПЕРЕД ВЕРНЫМИ НАСЛЕДНИКАМИ И ПРОДОЛЖАТЕЛЯМИ БОЕВОЙ СЛАВЫ НАШЕГО НАРОДА! С ПРАЗДНИКОМ ПИОНЕРИИ, ЮНАРМЕЙЦЫ! Командующий Всесоюзной военно-спортивной игрой «Зарница», Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза И. БАГРАМЯН.



ПОЗДРАВЛЯЕМ «ПРАВДУ»!

Восемь с половиной тысяч газет издаётся сегодня в нашей стране. И первая среди них — «Правда». Она начала выходить 60 лет назад, чтобы помочь рабочим людям объединиться и вместе стоять за правду. Её главным создателем и сотрудником стал Владимир Ильич Ленин.

«Правда» была пропагандистом и организатором революции. В дни военных испытаний и в дни мирного труда она всегда верна делу партии и каждой своей строкой открыто говорит: смысл своей жизни коммунисты видят в том, чтобы дарить свет и тепло трудящимся людям земли, непримиримо бороться с их врагами.

5 мая «Правду» поздравили с днём рождения Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, миллионы читателей. За выдающиеся заслуги она награждена орденом Октябрьской Революции.

ГЛАВНАЯ ВЫСОТА ★ РОССИИ

Если спуститься с Мамаева кургана на запад, где рядом с телевизионным центром раскинулся большой сад, ещё и сегодня там можно найти ржавые осколки мины и снарядов, стреляные гильзы. Весной их особенно много. Весенние воды выносят на поверхность следы войны.

135 дней и ночей на Мамаевом кургане пылал огонь войны. Крутые скаты кургана стали отлогими: их осадили взрывы снарядов и бомб. И трудно сказать, чего больше осталось после битвы на кургане — земли или осколков металла. Главной высотой России назвал народ этот стометровый холм на крутом волжском берегу.

И навсегда останется в памяти людей день, когда на Мамаевом кургане соединились бойцы, наступавшие с запада, с легендарными защитниками Сталинграда. День, когда с вершины кургана стала видна победа.

Я видел, с каким волнением держали оцепленную войной землю мальчишки и девочки из Львова и Киева, Еревана и Риги. Как аккуратно сыпали её в платочки... Они приехали в город-герой Волгоград на форум юных интернационалистов.

Я приходил на курган днём. Приходил ночью. И всегда здесь были люди. Если бы были такие книги, где каждый оставил только своё имя, пришлось бы, вероятно, для хранения этих книг строить целый дом.

Западные туристы, посещая Мамаев курган, удивляются: почему здесь так много детей? Почему?

Есть в нашей стране немало людей, с которых «стоит делать жизнь». Это и герои гражданской, и герои Отечественной. Все это люди большого сердца. В такт с ними бьются сердца сегодняшних мальчишек и девочек.



Фото В. ЖАРОВА.

Тыровиште, — символ стойкости и мужества для всего мира. Для болгар победа на Волге имеет особый смысл. Дважды в нашей истории русские братья принесли нам свободу. Память о Шипке и память о Мамаевом кургане будет жить в Болгарии вечно».

Вместе с письмом ребята прислали своим друзьям из КИДА имени Ю. Фучика семена красных роз. Просили посадить их весной на Мамаевом кургане. Каждой весной на братских могилах героев пионеры сажают красные розы. Так в Болгарии чтят память героев. Войдут красные розы этой весной и на Мамаевом кургане.

Война ещё продолжалась, когда в освобождённых от фашистов районах Европы появились улицы и площади имени Сталинграда. Это была не только дань уважения победе советского народа.

Когда несколько лет назад в одном из маленьких провинциальных городков Франции в школе на улице Сталинграда решили разместить на время учений американскую воинскую часть, ребята подняли тревогу и воскликнуть не допустили туда американцев. Тем, кто развязал агрессию против Вьетнама, не место в этой улице.

К зданию школы пришёл все жители с улицы Сталинграда. Рабочие города пригрозили объявить забастовку. Власти отступили. Ни один американский солдат не вошёл в школу на улице Сталинграда. Не вошёл потому, что имя это стало святым для миллионов людей во всём мире. Как святая земля, на которой стоит овеянный легендами город-герой.

Есть в Волгограде на Аллее Героев скромный памятник из розового гранита. Тем, кто был в тот день у памятника, надолго запомнят, как седая женщина, с лицом, знакомым миллионам людей

во всех странах мира, медленно опустилась на колени и поцеловала землю. Ту самую землю, за которую сражался и погиб Герой Советского Союза капитан Рубен Ибаррури. Седая женщина — его мать, Председатель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури.

Рубен был коммунистом-интернационалистом. Он хорошо знал, что такое фашизм. И в первые же дни Сталинградской битвы Рубен Ибаррури пишет заявление: «Прошу направить меня на самый опасный рубеж войны, на Сталинградский фронт. Ключом до последнего дыхания защищать мою вторую Родину».

Здесь, на Волге, начал свой путь в бессмертие и боевой товарищ Рубена — грузинский партизан Таризл Кулхуря. Он прошёл с боями пол-Европы. И погиб в последние дни войны, снесла на помощь чехословацким патриотам. Его похоронили в Острове. Чехословацкие пионеры разыскали мать героя; Таризл и их герой.

Каждое лето приезжает в Острову Нина Ивановна Матнашвили. Медленно опускается она на колени перед моглой сына и целует землю. За эту землю пролила кровь её Таризл.

Сегодня город-герой на Волге и столица Северо-Моравского края — побратимы. Кровавых тысяч советских и чехословацких бойцов скрепила это братство. Волгоградцы послали своим чехословацким друзьям в Острову гильзу с землёй Мамаева кургана. Пусть опалённая войной земля напоминает о солдатах, принесших Европе мир и свободу. О солдатах, которых помнит мир спящий.

Помнит потому, что тысячи жизней они спасли ценой своей жизни. Потому, что без победы на Волге не было бы мая 1945 года, когда Знамя Победы, поднятое на Мамаевом кургане, вспыхнуло над Рейхстагом.

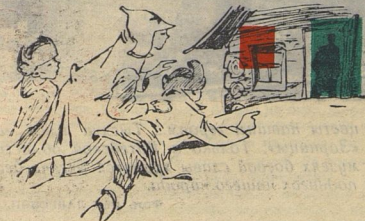
И мой, и твой отец, и дед построили и защитили самое дорогое, что у нас есть, — наше Отечество, наш Советский Союз. И в твоём сердце, как и в сердце каждого советского человека, вошёл Мамаев курган — Главная высота России.

В. ЧУКАНОВ. (Наш специальный корреспондент, Волгоград.)

МАЛЬЧИШКА В ТЕЛНЯШКЕ

Степан Сухачевский

Главы из документальной повести



БОЙКОТ

По селу горланит пыльные парни из богатеньких. На Большой улице они останавливают прохожих и проезжих, берут дачи.

Председатель сельсовета встретился не на шутку. При Совете была создана тройка по борьбе с самогонварением. Из волости прибыл верховый милиционер, он каждую ночь объезжал тёмные, заснеженные улицы.

И всё безуспешно. В селе около трёхсот домов. В каком же из них? Кто из хозяев виновен в запретном промысле?

В один из морозных вечеров Амантайка, Серёжа и Генка возвратились домой поздним часом. На улице им душно. Да и кому же охота бродить в такую непогоду: началась метель. Глубже нагнувшись шапки, друзья топили шагалы посередине дороги, кое-где уже перебитой снежными бурками.

На перекрёстке пастухов внезапно остановился. — Э, смотри... — протянул он руку в сторону избы, где жил дурочок Егорка, работник Михайлова.

В окне горел огонёк.

Амантайка что-то крикнул по-казахски, махнул рукой, и они пошли за ним. Тройка в избе не было, они шагали напрямик, упирая по колёно в снег. Пока добрался Серёжа в окошко погас.

Вдруг от избы с подветренной стороны доносился слабый стук: осторожно скрипнула дверь.

— Мальчи! — шепнул Амантайка, надыра в сугроб и увлекая за собой ребят. Они легли рядом и прислушались.

— Кто там?
— Егорушка, как бы похмельился...
— А денги?
— Завтра отдадим.
— Ну ладно, поверю последний раз. Давай четверть!

Голос смолк. Ребята не успели опомниться, как из-за угла вынырнули трое парней и, озираясь, пошли снежной целиной в край села.

— Ребята! — захохотал от волнения Серёжа. — Здесь же самогонщик!.. А милиционер шлет. Пошли скорее!

— Нат! — рассудил Амантайка. — Твоё бежит, мы сиди караял...

Серёжа вскинул и с трудом различая следы, выбрался на дорогу. Укрываясь от ветра, шёл боком. Густой снег слепил глаза... Вдруг из темноты выглянула лошадь и прервала ему путь.

— Малец, ты что, заблудился? — услышал он голос всадника.

Серёжа присмотрелся.

— Дяденька милиционер!.. Егорка самогом торгуе!..

Прошла неделя. Волостной суд приговорил Егорку к двум месяцам принудительных работ, конфисковал самогонный аппарат. Заодно с ним было оштрафован на 500 рублей Михайлов, как соучастник: в тот вечер милиционер застал богача в избе.

Пионеры прибыли на ворота Михайлова дощечку с надписью: «Кулак Михайлов гонит из хлеба самогонку. Объявляем ему бойкот». Её, конечно, легко снять, но прийти её пионеры по распоряжению сельсовета. Вот и белеет в зимней но, словно позорное клеймо, доселе неизвестное слово «бойкот»...

Люди смеяться дивятся: такого на селе ещё не бывало!

Окончание Начало см. «Пионерскую правду» № 36

ЗАМЕР ЛЕС...

Зерно, намолоченное со школьной десятины, хранилось во дворе сельсовета, в саманной амбарушке, и вся школа нетерпеливо ждала выручку от его продажи. Дядя Михайло по весне должен отвезти его в Петухово на элеватор. Он с вечера грузные подводы пригнал к себе во двор и поранные лёг спать. А племяннику строго наказал, что заедет за ним чуть свет.

Утром дядя Михайл, шумно топая, с порога проясил:

— Чаёвничать некогда, плямши. Дорогой поешь.

В короткой мажорской куртке, перекинув через плечо полушубок, мальчик поспешил за дядей. Вслед вышла мать Серёжи с узелком.

Серёжа забрался на заднюю подводу, в которую был впряжён спокойный меринок Залётный, крепко сжал поводки. Пионерский галстук развеялся по ветру, и казалось мальчику, что стоит он на капитанском мостике большого корабля.

Улыбается ему мать, машет рукой. А в доме Михайлова, притворясь на окне краешек занавески, недобрый взглядом провожали маленького воинушку.

Вскоре подводы растаяли в предутренней мгле.

Порядком отъехав от села, дядя Михайл, поправляя сено, на котором сидел, натолкнулся на берданку, вспомнил слова своего отца: «Ружьё в дороге — надёжней друга». Немного погодя, захваченный яркой картиной раннего утра, он перестал думать о берданке, и об отцовском наказании — переночевать на обратном пути у старушки родственницы.

На станцию приехали за полдень.

— Ну, племян, — сказал Михайл, останавливая лошадей, — я на элеватор, а ты тем часом беги в магазин. Да не задерживайся. Подождешь меня здесь.

Когда Серёжа с сумкой под мышкой подошёл к переезду, дяди ещё не было. Мальчик вытаскил из кармана куртки два глиняных раскрашенных свистка. Подергал их на ладони, любозная: один по форме — петухом, другой — рыбака Петухова свистел тонко и протяжно, а рыбака певуче, как рожок стрелотинки. Мальчик никак не мог решить, какой свисток себе, а какой Генке. И он свистел то в один, то в другой, закрыв глаза от удовольствия.

За этим занятием и застал его зевнувший с элеватора дядя. Он угостил племянника большим медовым пряником и, когда тот сел на телегу, с усмешкой спросил:

— Сколько тебе годов, Серёга?
— Тринадцать.

А всё светульши на уме... Эх, ты!

На полпути, в небольшой лесной деревушке, они сделали остановку у родственницы: покорились лошадей и сами подремнили.

— Започуйте, — уговаривала старушка. — Солнце уже садится, а вам ещё далеко ехать.

— Ничё, — ответил Михайл, — лошади отдохнули. Приедем, наши ещё вечеравать будут. И они поехали.

Лошади бежали дружно. Серёжа перестал править, привязав поводки к передку телеги, занялся своей сумкой. Он то вынимал, то складывал покупки: краски, кисточки, цветные карандаши. И большие листы бумаги, свернутые в трубку. Для учительницы он везёт небольшую книжечку — сборник деревенских песен и поговорок.

Быстро надвигались сумерки. Солнце опустилось за синими развалины поволоды, ступилась туманная даль, и поля потонули в вечерней мгле.

Михаил стал чаще подстёгивать молодую новостную лошадь, и она, как бы почувя беспокорство хозяина, прибавила прыти. За ней лениво трусил Залётный.

На крутом повороте, там, где дорога уходит в лес, Михайл остановил свою лошадь. Ожидая притставшего племянника, он рассказывал по дороге, разная отёхше ноги.



В этом глухом местечке разлапистые сосны так близко подступили к дороге, что их ветви густо переплелись вверх, образовав зелёный тоннель. Под его сумрачными сводами кони настоятельно прудили ушами. Михайл встревожился, глядя на тёмную глухую стену.

Серёжа прыгнул, подошёл к дяде. Они постоили с минутку.

По макушкам сосен пробежал ветерок, и свист его лёгкие вздох послышался далёкий, еле уловимый лай собак.

— Соро Жжуралёв! — облегчённо вздохнул Михайл. — От неё до дому рукой подать.

— Они пошли к подводам. Вдруг до слуха Серёжи долетел неясный шорох: будто кто-то крадётся. Хрустнул валежник... Шаг... Он обернулся, всмотрелся в темноту. Ему показалось, что в кустах, заселив ветками, прыгучо люди. Дядя... Там кто-то.

Мальчик не успел договорить: на дорогу выскочило несколько человек.

— Гони, Серёга! — крикнул Михайл и сам кинулся к телеге.

Он выхватил из сена берданку, но в этот момент сады на него навалились двое: заломили руки, вырвали ружьё, стали душить...

За Серёжей погнался толстый мужчина и настиг его, когда он отказывал поводки. Схватил за воротник распухнутой куртки, пригнул к себе.

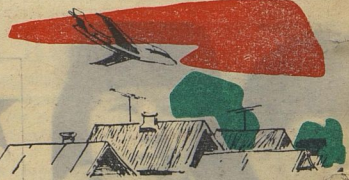
Ага, попался, замесил! — глухо выдал. Михайл и сорвал с мальчика пионерский галстук, швырнул его в грязь, стал топтать ногами.

— Не тронь! — отчаянно крикнул Серёжа, вырываясь из цепких рук.

— Он нагнулся, чтобы поднять галстук, и тут же ничком упал рядом с ним: что-то тяжёлое и тупое обрушилось на его голову.

— Вот тебе бойкот!.. Вот тебе самогонка!..

Тревожно заржал Залётный. Замер осторожный дятел, и лес, казалось, прислушивался к тому страшному, что творили люди на ночной лесной дороге...



ВМЕСТО ЭПИЛОГА

(Из письма Геннадия Игнатьевича МАЛЬЦЕВА)

Как-то довольно мне отдохнуть в Кисловодске. Зашёл в читальный зал, попросил подвинуть уральских газет. Начал просматривать, вижу: оверк «Пионер Серёжа Третьяков». Да не может быть! Столько лет прошло...

Прочёл залпом, и словно спала пелена с моей памяти.

Живо вспомнил своё деревенское детство, нашу маленькую школу со старым садом, милую учительницу Марию Андреевну, всех, всех ребят.

Как сейчас, вижу: сельская площадь загроузена народом, на помосте — детский гробик, оббитый красным сатеном. Он утопает в цветах, в хвойной зелени. Мы, школьники, испуганно смотрим на Серёжу, стараемся запомнить его лицо...

Тихо звучат прощальные слова учительницы, и прощальное опускается в братскую могилу, туда где покоится прах комсомольца Гриши Квашилина и неизвестного красного разведчика.

Ненадолго движутся школьники, каждый кидает по горсти земли, пионеры поворачивают свои галстуки на пятиконечную звёздочку деревянного обелиска.

Разошёлся народ, а мы всё стоим и стоим у могилы, окружив Серёжину маму. Она обнимает нас: «Дети мои...»

Многое изменилось с тех пор. Село наше стало центральной усадьбой совхоза «Спутник». На месте мрачных домов-трёпешей, в которых когда-то жили кулаки, появились жильные пионерлагеря: новые кварталы: весёлые белые домики с нарисованными на солнечную сторону и телевизионными антеннами над шиферными крышами. И этой новой улице присвоено имя Серёжи.

У дороги стоит обелиск. На нём надпись: «Здесь похоронен пионер Серёжа Третьяков, погибший 2 апреля 1924 года». Возле обелиска пионеры проводят сборы, снимают шапки прохожие. Не зарастает тройка к нему.

В селе восьмилетняя школа. Пионерская дружина её носит имя Серёжи. В школе создан музей, рассказывающий о его короткой, но яркой жизни.

...Поюмо, в детстве мы часто мечтали, кем будем, когда станем взрослыми. Амантайка любил степи, хорошего скакуна. А Серёжа, конечно, мечтал быть моряком, как отец. Я — лётчиком.

Что сказать о себе? Окончил авиационное училище, стал бортиристом. Воевал.

Налетал 6 300 000 километров. Друзья утверждают, что это 157 оборотов вокруг земного «шарика».

И на этом «шарике» есть у меня самая дорогая точка. Всякий раз, как случается пролетать над сибирской равниной, прощу штурвала: «Вот сюда чуть подверни!» И гонит крылом наш самолёт над Сивковым.

— Здравствуй, Серёжа, дружище морячок!